

Заметки о революции и «южном вопросе» Лоренцо Кьеца

Лоренцо Кьеца

Директор Генуэзской школы гуманитарных наук

Via Giuseppe Parini, 10, Genova, Italy, 16145

E-mail: l.chiesa@gsh-education.com

Заметки о революции и «южном вопросе»: Грамши и Ленин¹

Аннотация

В этой статье я утверждаю, что пролетарская революция и создание пролетарского государства в Италии является ответом Грамши на так называемый «южный вопрос», и этот ответ в значительной мере соответствует большевистской модели. В этой связи я ставлю своей целью показать, что позиция Грамши однозначно является ленинистской и что корректное понимание этой позиции может быть достигнуто только с помощью анализа взглядов самого Ленина на роль крестьянства в социалистической

¹ Первый набросок этой статьи был представлен на конференции «Южный вопрос», в Американском институте Бейрута в ноябре 2017 г. Я хочу поблагодарить Анжелу Харутюнян за приглашение и всех докладчиков и участников за живое обсуждение.

революции и следующей за ней диктатуры пролетариата.

Далее я заявляю, что ленинизм Грамши замалчивался в академических дискуссиях, особенно в контексте постколониальных исследований и исследований угнетения (*subaltern studies*). Рассмотрение того, как Ленин связывает пролетарскую революцию и пролетарское государство с «угнетенным народом» всего мира, могло бы оказаться полезным для исследований такого типа.

Ключевые слова

Грамши, Ленин, революция, южный вопрос, пролетариат, подчинение

«Ленин олицетворяет социалистическое становление, и мы со всей твердостью следуем за ним»

Антонио Грамши, сентябрь 2017

1

С момента объединения Италии в национальное государство в 1861 году так называемый «южный вопрос» (*questione meridionale*) оставался центральным вопросом итальянской политики. До сих пор он остается неразрешенной проблемой. Как это ясно сформулировал молодой Грамши в своей статье 1916 года, написанной для социалистической газеты *Il Grido del Popolo* («Плач народа»), южный вопрос по сути заключается в том, что «объединение итальянских регионов в рамках одного централизованного режима» — северного королевства Пьемонт — «имело катастрофические последствия для Юга» (Gramsci 1966: 4). Основная причина этих последствий состоит в том, что Италия, воссоединенная впервые за более чем тысячу лет, поспешно свела вместе Север и Юг, тогда как они представляли собой «абсолютно противоположные» экономические и социально-политические режимы (Ibid.). Если говорить более конкретно, то на Севере «традиция некоторой автономии привела к образованию дерзкой и предприимчивой буржуазии», что дало возможность обеспечить «экономическую организацию подобную другим (северным) европейским государствам» в соответствии с капиталистическими тенденциями (Ibid.). В то же время на Юге, «не было буржуазии, и сельское хозяйство было примитивным» (Ibid.). Национальная

централизация, ориентированная на рынок, запоздавая колониальная политика Италии в Африке и военная экономика Первой мировой войны лишь усугубили существующие различия. В этой статье Грамши приходит к выводу, что намного легче упрекать южан в «нехватке инициативы», и это едва скрываемое расистское предубеждение, на самом деле, маскирует истину о том, что «капитал всегда ищет самые безопасные и выгодные формы инвестиций», которые еще сильнее маргинализуют Юг (Ibid.). Таким образом, капитализм замыкает Юг в порочном круге, который, разумеется, невозможно преодолеть с помощью «особых законов и мер», применяемых извне — мер, которые итальянское государство тщетно продолжало навязывать Югу в течение всего XX и начала XXI века (Ibid.: 5).

2

Начиная со статьи 1919 года «Рабочие и крестьяне», написанной для вновь основанной коммунистической газеты *L'Ordine Nuovo* («Новый порядок»), Грамши предлагает свой ответ на южный вопрос. Впоследствии он несколько модифицирует и разовьет свои взгляды в поздних работах, включая «Тюремные тетради», хотя в этих работах будет сохраняться общая политическая рамка. Коротко говоря, южный вопрос может быть решен лишь в результате пролетарской революции и создания пролетарского государства в Италии. И наоборот, пролетарская революция и новое государство не смогут состояться без адекватной работы над южным вопросом. Как убедительно пишет Грамши, «заводские рабочие» Севера и «беднейшие крестьяне» Юга формируют «движущие силы пролетарской революции»; индустриализация же (южного) сельского хозяйства может произойти только с согласия беднейших крестьян, в условиях диктатуры пролетариата», то есть «в условиях социалистического государства» (Грамши 1957: 47); в конце концов, «к экономическому и политическому возрождению» южного крестьянства приведет «поддержка крестьянства промышленным пролетариатом, который, в свою очередь, нуждается в поддержке его крестьянами (Там же: 409)².

² Даже позднее, очевидно менее непреклонное требование созыва национального Учредительного собрания ясно указывает, что его не следует рассматривать как «цель саму по себе», но — в условиях фашистской диктатуры 1930-х — как стратегическое «средство» для того, чтобы подготовить почву для «пролетарской революции» и «республики советов крестьян и рабочих в Италии» (Lisa 1973: 81–89). Грамши все еще говорит как нераскаявшийся большевик.

Таким образом, позиция Грамши по южному вопросу является полностью, недвусмысленно и последовательно ленинистской. Нам следует иметь это ввиду, когда мы рассматриваем его работы в контексте постколониальных исследований и/или исследований угнетения — не говоря уже о попытках их применения в этих научных областях. Говоря прямо (и провокативно, учитывая гегемонию недавних ревизионистских попыток присвоения Грамши), если Ленин считается несовместимым с анти-субстанциональным подходом и подходом «низовой» истории «подчиненных» народов из-за допущения, в соответствии с которым «массы» противопоставляются «руководителям», то Грамши также несовместим с ними.³ Здесь также важно добавить, что, по Грамши, «Юг» почти всегда подразумевает особое географическое положение Юга Италии в конкретный исторический период. Хотя временами он говорит о *Mezzogiorno* как о «колонии»: «Буржуазия Севера поработила Южную Италию и острова и низвела их до положения эксплуатируемых колоний» (Там же); «позиция трудящихся масс Юга аналогична положению населения колоний» (Gramsci 2000: 144), — в действительности Грамши никогда не выдвигал обобщенного понятия «Юга» с большой буквы (если только мы не будем придавать чрезмерное внимание отдельным абзацам вроде: «Ныне пламя восстания полыхает во всем колониальном мире: это классовая борьба цветных людей против белых эксплуататоров и братоубийц» [Грамши 1957: 310]). Как мы увидим (для некоторых это будет неожиданно), Ленин намного чаще размышлял об отношении между пролетарской революцией/государством и «угнетенными народами» всего мира (Ленин 1970b: 71).

³ Я полагаю, что позиция Гаятри Спивак символизирует это политически и теоретически несостоятельное направление. С одной стороны, она открыто заимствует термин «подчиненный» у Грамши, для которого он синонимичен «пролетариату», и она признает это. С другой стороны, для нее подчинение отсылает скорее ко «всему, что не подпадает под строгий классовый анализ» (Spivak 1990: 141), и Грамши «понял, что, если говорить о Южной Италии, одними вопросами о классовом устройстве ничего не решить» (Spivak 1992: 45). Отсюда следует еще более путаный вывод, что «рабочий класс угнетен. Он не подчинен» (Spivak 1992: 45–46). Сама Спивак признает, что понятию «подчинения» «не хватает теоретической строгости» и говорит, что ей это «нравится» (Spivak 1990: 141). Подобным образом, согласно Стюарту Холлу «Грамши никогда не был “марксистом” ни в доктринальном ни в ортодоксальном или “религиозном” смысле»; он практиковал «подлинно “открытый” марксизм» и «не занимался “общими теориями»» (Hall 1986: 5–6). Неудивительно, что Холл противопоставил Грамши тем марксистам, «которые оставались одержимы моделью революции и политики в духе “штурма Зимнего”» (Ibid.: 17).

Рассмотрим подробнее аргументы Грамши из статьи «Рабочие и крестьяне». Он начинает свое рассуждение с того, что, Италия, как и Россия (как и Франция — что неожиданно, учитывая противоположные утверждения Маркса), является капиталистически отсталой страной именно поскольку в ней сохраняется «резкое различие между городом и деревней, между рабочими и крестьянами» [Грамши 1957: 44]. Еще недавно крестьяне рассматривали экономические и политические институты «как категории естественные, вечные, неизменные», против которых они время от времени яростно восставали [Грамши 1957: 44]. Иными словами, классовую борьбу путали с «формой примитивного террора» и «бандитизмом» [Грамши 1957: 45]. Однако принудительная мобилизация Первой мировой войны, кровавые жертвы в окопах и скорые расправы за дезертирство в корне изменили эту «крепостническую» психологию. Теперь крестьяне сами «стали воспринимать [капиталистическое] государство во всей его многогранной грандиозности», которому они впервые начали сопротивляться как члены коллектива, но им все еще не доставало организации и дисциплины [Грамши 1957: 46]. Итак, для пролетарской революции способность захватить и сохранять власть в Италии означала необходимость «сплотить воедино [северный] город с [южной] деревней» и укрепление «мира и дружбы» между ними [Грамши 1957: 49, 410]. Пролетариат включает в себя городских промышленных рабочих и беднейших сельскохозяйственных рабочих. Необходимо было, чтобы социалистические лидеры Второго интернационала поняли это и прекратили выделять красную аристократию заводских рабочих, как они это делали. Но в то же время и без противоречия «главными центрами» революции неизбежно должны были стать «промышленные города» в силу их большей классовой сознательности [Грамши 1957: 48]. Грамши ставит тот же вопрос в ранней статье: «это дело городского пролетариата <...> разрушить старинную преступную машину, которая в конечном счете угнетает весь пролетариат» [Gramsci 1966: 6] — и будет заново формулировать его в поздних записях. Во всяком случае, на том этапе он также считал, что русская большевистская модель могла быть полностью применена в Италии: «Исторические условия жизни Италии мало отличались и отличаются от русских. Проблема объединения класса рабочих и крестьян стоит одинаково и там и тут» [Грамши 1957: 47]. Организованные «крестьяне станут элементом порядка и прогресса» [Грамши 1957: 48]. Говоря более конкретно и диалектично, городской пролетариат должен «создать в деревне организации беднейших крестьян», на которых может быть основано антипарламентское со-

циалистическое государство и затем развито в качестве диктатуры пролетариата [Грамши 1957: 49].

5

В более поздней статье с тем же названием, «Рабочие и крестьяне», Грамши верно замечает, что Октябрьской пролетарской революции «предшествовали мощные революционные выступления деревни» (Там же: 126). Французский социолог Робер Линар в своей новаторской книге 1976 года *Lénine, les paysans, Taylor* детально изучает этот недооцененный исторический факт. Линар довольно убедительно пишет о настоящей «анти-ленинистской легенде», придуманной для того, чтобы отделить якобы элитистский большевистский переворот от массового движения крестьян, тогда как на самом деле в 1917 году «только Ленин и большевики действительно были на стороне крестьян», рассматривая их как «реальную основу восстания» (Linhart 1976: 34–35). Линар также подробно описывает, как после захвата власти, в годы так называемого военного коммунизма, разворачивался сложный и далеко не линейный процесс регрессии, в ходе которого революционность беднейшего крестьянства была значительно подорвана большевиками. Во-первых, сообразно предписаниям самого Грамши, деревенские массы безоговорочно поддерживались в том, в чем для них заключалась «сущность революции» (Ibid.: 38). Во-вторых, также в духе Грамши, крестьянам все-таки отводилась «подчиненная роль», то есть «(городской) пролетариат, совершая те или иные действия в деревнях, опирался на беднейших крестьян» (Ibid.: 52), в том числе подавляя зажиточных крестьян (кулаков). В-третьих, вопреки оптимизму Грамши, беднейшее крестьянство все больше и больше отделялось от субъекта революционного движения и становилось «объектом аграрной политики, возникшей в городах», основанной на принуждении и экспроприации, которые не ограничивались кулаками (Ibid.: 58). Хотя позиция Линара подчас обнаруживает ультра-маоистский уклон, трудно не согласиться с ним в том, что с точки зрения раскола, существующего между городом и деревней, конкретный ленинизм — это «единство двух крайних позиций», неспособное примириться с тем фактом, что «фундаментальные взаимоотношения социальных классов» — заводских рабочих и молодых интеллектуалов с одной стороны и беднейших крестьян с другой — «не могут быть мгновенно преобразованы» (Ibid.: 64, 81). Ленин глубоко осознал эту проблему, и вся идея социалистического перехода к коммунизму как созревания новых классовых «привычек» вращалась вокруг этого сложного процесса. Еще в 1920 году, обращаясь к членам союзов молодежи

по поводу «этики» коммунизма, он советовал им «объединиться и пойти в деревни, чтобы ликвидировать безграмотность» и рекомендовал «работу над подгородных огородах» (Ленин 1981: 315–316). Однако этот призыв к «культурной революции» (Ленин 1970е: 376), нацеленной на слияние городского и сельского пролетариата, по большей части остался неуслышанным, и более широкий вопрос о том, как примирить различные уровни классового сознания трудящихся, остался не решен. Я полагаю, что похожее возражение (которого, по крайней мере для меня, недостаточно для опровержения ленинизма) может быть распространено на явно ленинистский подход, следуя которому Грамши пытается найти решение южного вопроса.

6

Наиболее полный разбор южного вопроса представлен в одноименной незавершенной статье 1925 года, которую Грамши написал незадолго до того, как был пожизненно заключен в тюрьму фашистским режимом. Хотя сложно отделить его взгляды от исторической и социально-политической ситуации, в которой Италия оказалась в эти ужасные годы (она пережила подавление забастовок и захватов на северных заводах, фашистский марш на Рим, якобы конституционный захват власти фашистами, все более жестокое укрепление их контроля над буржуазным государством), мы все же можем вывести некоторые общие положения, подтверждающие и развивающие его предыдущие заявления на эту тему. Статья написана в качестве полемического высказывания против группы молодых левых коммунистов, которые критиковали и неверно интерпретировали позицию по Югу, принятую Грамши и большинством членов воссозданной *Partito Comunista Italiano*, к тому времени присоединившейся к ленинскому Третьему интернационалу. Грамши настаивает, что его цель состоит не просто в том, чтобы разделить земли и распределить их между беднейшими южными крестьянами. Такой шаг вполне может быть необходимой переходной мерой, но, как уже было сказано в «Рабочих и крестьянах», «лозунг “Земля крестьянам!” нужно понимать в том смысле, что сельскохозяйственные предприятия и современные хозяйства типа факторий должны контролироваться сельскохозяйственными рабочими» в форме советского самоуправления, уже становившегося частью реальной практики в красные годы 1919–1920 захваченных заводов Севера (Грамши 1957: 408). Другими словами, для сельскохозяйственного Юга должна быть использована такая же модель революции *mutatis mutandis*, как и для промышленного Севера. Следовательно, основная движущая задача итальян-

ской коммунистической партии, еще раз, заключается в том, чтобы создать «политический союз между рабочими Севера и крестьянами Юга»; пролетариат может стать господствующим классом только с помощью «системы союзов»⁴ с другими классами (Там же: 479, 480). Кажется, Грамши таким образом подразумевает, что для достижения гегемонии пролетариат, как квази-универсальный класс угнетенных масс, *включающий в себя* беднейших крестьян, должен сначала заключить стратегический альянс с беднейшими крестьянами как *отдельным* классом. С другой стороны, «первая проблема, которую необходимо разрешить» для того, чтобы это сделать, заключается в «идеологии», захватившей сам северный пролетариат (Там же: 481). Грамши подчеркивает, что городской пролетариат невольно подвергается буржуазной промывке мозгов, укоренившейся в школьной системе и газетах. В качестве объектов этой идеологической проработки жители Юга являются «биологически низшими существами», а причиной их отсталости считается не капиталистическая эксплуатация, а их «природа» (Там же). С этой идеологией можно покончить, если пролетариат откажется от «корпоративного» эгоизма и «от всяких синдикалистских предрассудков и наслоений» (Там же: 487). А именно, «металлург, плотник, строительный рабочий и т. д. должны не только мыслить как пролетарии (а не как металлург, плотник, строительный рабочий и т. д.), но и сделать еще один шаг вперед: они должны мыслить как активные представители класса, стремящегося руководить крестьянством» (Там же). Только таким образом пролетариат сможет «за завоевать доверие и поддержку крестьянства» (Там же), которых не так просто достигнуть, когда крестьяне, в свою очередь, идеологически воспринимают всю Северную Италию как «вражеский блок», состоящий из богатых господ (Gramsci 1966: 36). Обобщая сказанное, здесь Грамши уточняет свой общий аргумент о коммунистическом решении южного вопроса: строго говоря, пролетариата как такового не существует без южных земледельческих пролетариев, хотя последних, тем не менее, должны вести к большей классовой сознательности северные промышленные пролетарии, которые, что важно, избавились от давнишнего идеологического классового элитизма по отношению к южным крестьянам. Если, по Марксу, при капитализме состояние пролетариата таково, что это класс, который на самом деле более не является классом (Маркс 1955: 427), то усиленное классовое сознание пролетарского авангарда, необходимое для социалистической революции и ее следствий, в конце концов удерживается именно в качестве средства

⁴ В советском переводе «Тюремных тетрадей» на русский язык используется слово «союз», в то время как Грамши использует слово *alleanza*, т. е. альянс. — Примеч. Перев.

коммунистического уничтожения классовых различий как таковых.

7

Беспристрастное изучение ленинской позиции по этим вопросам, особенно в том виде, в котором она была представлена в его политических речах и записях после захвата власти большевиками подтверждает, что он едва ли не безусловно соглашается с Грамши. Конечно, неслучайно в своем знаменитом обращении 1926 года к Третьему конгрессу Итальянской коммунистической партии (изгнанному из страны) Грамши недвусмысленно ссылается на «ленинское решение» «аграрного вопроса», в частности, в отношении южных «крестьянских масс» (Gramsci 1966: 34). Несмотря на некоторые заметные изменения в своих директивах в период между октябрем 1917 и мартом 1923 годов (период, приблизительно совпадающий с переходом от военного коммунизма к новой экономической политике и последующей ее критике, о которых Грамши практически не знал и на которых мы не можем здесь подробно останавливаться), Ленин никогда не уставал повторять, что построение социализма (т. е. Диктатуры пролетариата) как переход к полному или бесклассовому коммунизму, структурно опирается на военный и экономический «союз с крестьянством» (Ленин 1970d: 42–43)⁵. Но и с политической точки зрения «основной вопрос — в отношении города к деревне <...> имеет решающее значение для всей нашей революции», и верный подход к этому вопросу предполагает, что не нужно «нести сразу чисто и узкокоммунистические идеи в деревню» (Ленин 1970e: 366–367). В тех редких случаях, когда Ленин полностью осуждает позиции Троцкого, он с негодованием нападает на последнего за высказывания о «рабочем государстве». В противоположность этой «абстракции» советское государство — это государство «рабоче-крестьянское» (Ленин 1970b: 207–208); «трудящихся вообще» не существует с тех пор, как в результате устранения буржуазии как класса эксплуататоров в социалистической России фактически осталось «два различных класса» (Ленин 1970c: 100, 301). Понадобится «целый ряд переходных ступеней», чтобы достичь бесклассового коммунистического общества, в котором рабочие и крестьяне станут

⁵ Антонио Негри верно подчеркивает ключевое значение этого момента: «Есть два главных аспекта в ленинской стратегии: проблема взаимоотношений между демократией и социализмом, борьбы за демократию и борьбы за социализм; и проблема союзов, в частности, союза между рабочим классом и крестьянами» (Negri 2014: 51).

недифференцированной группой «производителей» (Там же: 100).

8

Как и Грамши, который многозначительно пишет о будущем Итальянском социалистическом государстве как о «федеративной республике рабочих и крестьян» (Gramsci 1966: 15), Ленин осуждает любые пролетарские «профессиональные интересы», оставляющие в тени интересы пролетариата как класса; он подчеркивает важность разграничения крестьян-собственников от «крестьян трудящихся», так как последних следует рассматривать в качестве пролетарских «наемных сельскохозяйственных рабочих», и, тем не менее, указывает на ведущую роль городского пролетариата (Ленин 1970с: 57–58, 218–219; Ленин 1970а: 276–277; Ленин 1969b: 275, 392; Ленин 1969а: 452–453). Сам Ленин считает, что эта роль заключается в том, чтобы «объединить вокруг себя деревенскую бедноту» с конечной целью «руководить крестьянством <...> вести линию на уничтожение классов» (Ленин 1969а: 448; Ленин 1970с: 318). Еще раз, лишь по видимости парадоксальное объяснение дисбаланса пролетарского классового господства связано с большей классовой сознательностью городского пролетариата, которая в конечном счете является для Ленина лишь следствием далеко того, что пролетариат уже был «вышколен» капитализмом — следствием далеко не завидного положения (Ленин 1969b: 392). Но еще более открыто, чем Грамши, который ничего не сообщает об активной роли крестьян в построении социализма кроме как об их анархической, но легко подающейся влиянию склонности к бунтарству, Ленин улавливает, что при всем своем асимметричном характере отношения между городским и сельским пролетариатом предполагают обоюдную солидарность и являются взаимно необходимыми. Это правомерно не только в том смысле, что города «нуждаются в связи с крестьянской экономикой» в целях обеспечения продовольствием, а советская власть в свою очередь окончательно достигнет коммунизма благодаря «электрификации всей страны» («каждая электрическая станция, построенная нами, превращалась действительно в опору просвещения, чтобы она занималась, так сказать, электрическим образованием масс») (Ленин 1970b: 159–160). Ленинская позиция относительно крестьянских масс имеет также сугубо политический смысл, который часто игнорируется как критиками, так и сторонниками. Всякий раз, когда в поздние годы он стремится осмыслить Октябрьскую революцию как решающий момент в серии освободительных эпизодов, чаще всего он говорит о ней как о завершении «буржуазной революции» (Ленин 1969b: 313), начатой во Франции в 1789 году,

продолженной Парижской коммуной в 1870-м, и в равной степени усиленной и полностью скомпрометированной российской “рenegатской” революцией в феврале 1917-го. Уже в ноябре 1918-го Ленин неожиданно называет Октябрьскую революцию «начальным этапом революции», поскольку ее неотъемлемой чертой являлся союз «со “всем” крестьянством против монархии, против помещиков, против средневековья (и постольку революция остается буржуазной, буржуазно-демократической)» (Там же: 311). Второй этап, *социалистическая* революция, начинается для Ленина только тогда, когда он пишет о ней как о союзе с «беднейшим крестьянством», а также с «полупролетариатом, <...> со всеми эксплуатируемыми, против капитализма, в том числе против деревенских богачей» (Там же). Как разъясняется в отчете за март 1919 года, второй этап революции разворачивался главным образом в деревне за счет создания Комитетов деревенской бедноты, и именно с их организацией «наша революция <...> на деле стала *пролетарской*» (Ленин 1969с: 144). Самое главное, что лишь этот второй этап и представлял собой первую, но не последнюю «действительно народную революцию» (Ленин 1969b: 312). Как совершенно точно указано в другом тексте августа 1921 года, Октябрьская революция все еще была буржуазной (или непролетарской, поскольку ненародной) революцией, так как «еще не было классовой борьбы внутри “крестьянства”» (Ленин 1970d: 102). Действительно, народная революция как пролетарская революция, *объединяющая* городской и сельский пролетариат, делает необходимым *разделение* между беднейшими и богатыми крестьянами. Одновременно с этим контроль и усиление пролетариата имеют значение только если они в итоге приводят к установлению городского и сельского «народного контроля», который не ставит город выше деревни (Ленин 1970b: 298).⁶

9

Ленин всегда поддерживал неоднородное понятие пролетариата. «Авангард», или партию, нужно отличать от «масс передового класса» или промышленного пролетариата, которые, в свою очередь

⁶ Негри говорит о «сдвиге <...> от призыва к организации крестьянских революционных комитетов к возможной новой фазе революционной борьбы между сельскохозяйственными работниками и крестьянами собственниками» (Negri 2014: 64). Я не думаю, что здесь действительно имеет место сдвиг; для Ленина это два одновременных аспекта одной проблемы. Однако я полностью согласен с Негри, когда он утверждает, что, согласно Ленину, появление борьбы среди крестьянства сопутствует тому факту, что «коммунистическая телеология» теперь «проявляется в форме *бесконечной революции*» (Ibid.).

не совпадают с крестьянской «массой трудящихся» (Там же: 205). Кроме того, эта иерархия всегда носит глубоко диалектический характер. «Социализма не может ввести меньшинство — партия. Его могут ввести десятки миллионов», когда им «помогает» авангард (Ленин 1969а: 53). Эта помощь включает в себя не только подготовку всего рабочего населения к участию в управлении государством, но также, вопреки ребячески-«левым» лозунгам, стремление «убедить отсталых» в том, что местные Советы представляют собой организацию, «охватывающую всех рабочих всех отраслей промышленности, <...> всех солдат и все трудящееся и беднейшее сельское население» (Ленин 1969а: 72; Ленин 1981: 38; Ленин 1969b: 273). Такой универсальный размах относится и к самому Советскому государству, сущность которого Ленин определяет следующим образом: это «массовая организация» тех, кто был «угнетен» капитализмом (Ленин 1969b: 500). Как будет ясно из его поздних выступлений против возникающей советской бюрократии, защищать социалистическое государство в равной мере значит безусловно защищать народ от его собственного государства. Но в то же время существенно что, как говорит Ленин, «“модное”, по нашему времени» противопоставление слов «масса» и «вожди» «свидетельствует о самой невероятной и безысходной путанице мысли» и в конечном итоге «под прикрытием лозунга: “долгой вождей”» ведет лишь к выдвиганию новых вождей (Ленин 1981; 24–26).⁷ Я полагаю, что тем, кто сегодня осуществляет горизонтальные/ризоматические и умышленно квазиархические попытки воскресить идеи коммунизма в XXI веке, следует прислушаться к этому предостережению со всей серьезностью.⁸

⁷ Ленинская атака на «левых коммунистов» именно в этих словах оказывается очень близка к критике протестов 1968 как истерических поисков «нового господина» у Жака Лакана (Лакан 2008: 260), которая вовсе не отражает либерально-циничного отношения со стороны Лакана, как часто и впустую утверждают. Любопытно, что Ленин часто говорит о левом коммунизме как об истерии (см., например, Ленин 1969а: 208). «Пустьшка раздробленности» и «бессильные пожелания» «любителей “левой” фразы» (Ленин 1970d: 101; 104), распознанные Лениным, следует истолковать более точно, чем это обычно делали. В настоящее время я работаю над этими вопросами.

⁸ Это касается не только распространенного постделезинского консенсуса, основанном на упрощении сложного отношения к ленинизму, которое было свойственно Жюлю Делёзу и Феликсу Гваттари (например, Гваттари ясно объясняет, что, когда «авторитарным дисциплинам, формальным иерархиям, установленным свыше порядком очередности и принудительным идеологическим отношениям» следует что-либо противопоставить, все же возникает потребность в «центрах решения» [Guattari 2010: 124]). Как я утверждал в другом месте, временами безоговорочный отказ от государства у Алена Бадью также подлежит подобной критике (Chiesa 2017: 127–133; 139–142).

В отчете за март 1919 года, посвященном разоблачению структурного лицемерия либеральной демократии — его существенными компонентами, как указано в другом месте, являются как «диктатура Черчилля», так и либералы из *Manchester Guardian* (Ленин 1981: 73; 97) — Ленин провозглашает, что Советское государство как массовая организация угнетенных обеспечивает равенство всех граждан «независимо от пола, религии, расы, национальности» (Ленин 1969b: 500). В работах Ленина вопрос о так называемом подчинении (*subalternity*) получает ясность, которой ему не хватает в работах Грамши. Размах, с которым антикоммунистические идеологии за прошедшее столетие удалось исключить такой заметный аспект ленинизма отовсюду, в том числе из академического поля, должен вызывать тревогу и возмущение. В этой связи само существование якобы грамшианских культурных, постколониальных, гендерных исследований и исследований подчинения, предательски умеренных по отношению к Грамши, вызывает подозрение. В качестве альтернативы следует обстоятельно остановиться на ленинских наблюдениях о «полурабском положении негров в Америке» или о «двойном рабстве» (домашнем и наемном) женщин повсюду, даже в «самых демократических» буржуазных республиках. Он говорит предельно прямо, что «втянуть в политику массы нельзя без того, чтобы не втянуть в политику женщин» (Ленин 1970a: 19, 199; Ленин 1970b: 368).⁹ Что касается того, что можно, пребывая в диалоге с Грамши, в общем виде назвать «южным вопросом», то здесь достаточно даже краткого анализа ленинских работ для того, чтобы заключить, что Ленин больше не сводит этот вопрос к положению беднейшего крестьянства в одной или нескольких странах. Юг, который

⁹ Конечно, мой призыв к повторному открытию Ленина как теоретика подчинения, не исчерпывается рассмотрением того, какой могла бы быть точка зрения обстоятельного лениниста на расу и гендер. Ему следует также тщательно обдумать недавнее развитие марксистских подходов к соприкосновению капиталистической эксплуатации с другими формами господства, которые, добавлю, зависят от нее. Однако, методологически, не является необходимым и часто вводит в заблуждение попытка начинать использовать феминистско-постколониальную и размытую марксистскую оптику для ретроактивного чтения Ленина, особенно когда она большей частью догматически отбрасывает всякое ленинистское наследие («Марксизм, отфильтрованный через ленинизм и социал-демократию выразил интересы ограниченного сектора мирового пролетариата, интересы белого, взрослого работника-мужчины» [Federici 2012: 97]). Такого рода упреждающий и предположительно критический шаг, напротив, неизбежно бьет мимо цели и лишь укрепляет ходячее идеологическое допущение, что сама идея «ленинистских исследований подчинения» — это противоречие в терминах.

не всегда означает специфическое географическое положение, приобретает по-настоящему общемировое значение, применимое к подавляющему большинству населения Земли. В этом вопросе Ленин готов даже поспорить с Марксом, что а он делает крайне редко. В своей речи на собрании актива московской организации РКП(б) в декабре 1920 он напоминает им, что они представляют не только русских пролетариев и «пролетариев всех стран», но также и «всю массу угнетенного населения земли» (Ленин 1970b: 71–72). Лозунг «Пролетарии всех стран и угнетенные народы, соединяйтесь!», выдвинутый коммунистическим журналом «Народы Востока», совершенно справедлив, несмотря на то, что он противоречит «Коммунистическому манифесту» Маркса и Энгельса, который «писался при совершенно других условиях» (Там же: 71–72). Ленин даже делает предположение о примерном количестве угнетенных по всему миру (в ретроспективе оно кажется весьма оптимистическим): «не меньше 70% всего населения земли» (Там же: 71). В других текстах он принимает во внимание тот факт, что революционные силы в колониях сначала выступают как движения за «национальное освобождение» и только потом «обратятся против капитализма» (Ленин 1970d: 38). И в то же время он по-прежнему убежден, что, как показывает русский пример (и снова вопреки Марксу), в беднейших странах, а точнее «в тех странах, которые не принадлежат к числу эксплуатирующихся стран, имеющих возможность легче грабить» можно осуществить более непосредственную реализацию международного социализма (Ленин 1974: 279). Как поясняется в тексте марта 1923 года, который можно рассматривать как политическое завещание (в статье с обманчивым названием «Лучше меньше, да лучше»), Ленин имеет ввиду именно «государства по-восточному отсталые», Китай и Индию. Исход пролетарской борьбы за эмансипацию «зависит, в конечном счете, от того, что Россия, Индия, Китай и т. п. составляют гигантское большинство населения» (Ленин 1970e: 404). «Южный вопрос» Грамши (точно схваченный, но все еще имеющий ограниченный характер) становится здесь ничем иным, как пролетарским вопросом в самом широком смысле слова.¹⁰

¹⁰ Сравнение ленинской позиции по союзу с крестьянством и, шире, по южному вопросу, с разработкой тех же вопросов у Мао Цзэдуна явно нуждается в отдельной монографии. Достаточно сказать вскользь, что ленинское понятие «вся масса угнетенного населения земли» намного более всестороннее, чем маоистская *Realpolitik*-идея «Третьего мира» (Мао Цзэдун 1974; Дэн Сяопин 1979). Как я обрисовал здесь, в отношении марксизма в целом Ленин-универсалист развивает «универсальное страдание» пролетариата, уже намеченное ранним Марксом (Маркс 1955: 427), одной стороны. С другой, он предвосхищает то значение (недооцененное), которое Франц Фанон придает факту, что «житель колонии или слаборазвитой страны представляет собой политическое животное в самом широ-

Конечная цель ленинизма состоит в том, чтобы, следуя Марксу, установить бесклассовое общество «производителей» с помощью усиления классовой борьбы (расширенной теперь до борьбы беднейших и богатых крестьян). Его немедленная и более реалистическая цель в том, чтобы, также в соответствии с Марксом, «сделать жизнь всех трудящихся наиболее легкой» (Ленин 1969а: 381). По сути, угнетенное семидесятипроцентное большинство мирового населения совпадает с массами измученных работников ручного и интеллектуального труда. Родовое пролетарское человечество разделяет страдание независимо от пола, религии, расы или национальности. Хотя этот онто-антропологический лейтмотив пока еще не получил к себе достаточного внимания, он пронизывает всю работу Ленина и предопределяет его самые практичные указания.¹¹ С этической точки зрения, «сущность социализма» заключается в том, что «кто не работает, тот пусть не ест», и одного из десяти буржуазных тунеядцев (включая кулаков) следует расстрелять на месте (Ленин 1969а: 357; Ленин 1974: 203–204). С экономической точки зрения, как предвидел Маркс в «Критике Готской программы», по существу, социализм состоит в «распределении лишений» (Ленин 1970d: 46; Маркс 1961: 24). На этом базисном, но также предельно биополитическом уровне сами отношения между городским рабочим классом и беднейшим крестьянством могут функционировать социалистически, только если власть большевиков стремится к тому, что я назвал бы тщательным *управлением страданиями*. Как выражается Ленин в далеком от иронии докладе о продовольственном налоге в апреле 1921 года, необходимо «известное недоедание каждого крестьянина, чтобы обеспечить полуголодное существование армии и рабочих

ком смысле слова» (Fanon 1991: 81). Я уже не говорю о нашей современной тенденции пересмотреть базу для антикапиталистического сопротивления, с учетом оживления любви к планетарным расчетам, как «99 %».

¹¹ Я считаю, что выражение «классовый гуманизм» могло бы уверенно применяться в этом контексте. Альтюссер открыто и одобрительно заимствует его у Ленина: «Термин “классовый гуманизм” мы понимаем здесь в том смысле, в котором Ленин говорил, что Октябрьская социалистическая революция передала власть в руки трудящихся, рабочих и крестьянской бедноты, что она обеспечила для них такие условия жизни, деятельности и развития, которых они не знали раньше: демократия для трудящихся, диктатура для угнетателей» (Альтюссер 2006: 314). Однако проблема с Альтюссером в том, что он немедленно противопоставляет классовый гуманизм Ленина и ранний гуманизм Маркса, который кажется ему эссенциалистским и, в конечном счете, «религиозным» (Там же). К дискуссии о том, почему ранний гуманизм Маркса не является ни эссенциалистским, ни религиозным (см. Chiesa 2016: 82–99, 108–10).

промышленности» (Ленин 1970с: 154). При ближайшем рассмотрении заметно, что совершенно та же логика лежит в основе ленинских попыток стабилизации зарождающихся братоубийственных стычек между главными членами партии; в общем и целом, независимо от концептуальных разногласий, это действительно вопрос о том, чтобы «разделить работу хоть немножко по справедливости» (Ленин 1970е: 300).

12

Один из главных уроков, которому нас может научить Ленин сегодня, во времена, когда кажется, что история окончательно «пробудилась» (Badiou 2012), заключается в том, что первая задача по преодолению капитализма состоит вовсе не в ложной жалости к себе, от жестокого конкурентного распределения которой больше всего страдают (или подвергаются страданию) «меньшинства», но в прагматичном и реализуемом любой ценой «разделении нужды» (Ленин 1970с: 155). Мы были бы ужасно неправы, полагая ее устаревшей в эпоху мнимого изобилия. Ленин пророчески назвал такую позицию «акробатством буржуазной благотворительности» (Ленин 1970а: 24).

Перев. с англ. Дмитрия Жукова

Библиография

- Альтюссер, Луи (2006). «Марксизм и гуманизм». В кн.: *За Маркса*. М.: Праксис.
- Грамши, Антонио (1957). *Избранные произведения. Том 1. Ординенуово (1919-1920)*. М.: Издательство иностранной литературы.
- Дэн Сяопин (1979). «Выступление на специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН». В кн.: *Выступления и высказывания Дэн Сяопина. Сборник*. М.: Прогресс.
- Лакан, Жак (2008). *Изнанка психоанализа (Семинар, Книга XVII (1969-70))*. М.: Издательство «Гнозис», Издательство «Логос».
- Ленин, Владимир (1969а). *Полное собрание сочинений. Том 36*. М.: Политиздат.
- Ленин, Владимир (1969б). *Полное собрание сочинений. Том 37*. М.: Политиздат.
- Ленин, Владимир (1969с). *Полное собрание сочинений. Том 38*. М.: Политиздат.
- Ленин, Владимир (1970а). *Полное собрание сочинений. Том 39*. М.: Политиздат.
- Ленин, Владимир (1970б). *Полное собрание сочинений. Том 42*. М.: Политиздат.
- Ленин, Владимир (1970с). *Полное собрание сочинений. Том 43*. М.: Политиздат.
- Ленин, Владимир (1970д). *Полное собрание сочинений. Том 44*. М.: Политиздат.
- Ленин, Владимир (1970е). *Полное собрание сочинений. Том 45*. М.: Политиздат.
- Ленин, Владимир (1974). *Полное собрание сочинений. Том 35*. М.: Политиздат.
- Ленин, Владимир (1981). *Полное собрание сочинений. Том 41*. М.: Политиздат.

- Мао Цзэдун (1974). «К вопросу о различии трех миров». Маоизм.Ру. <http://maoism.ru/7912>
- Маркс, Карл (1955). «К критике гегелевской философии права. Введение». В кн.: Маркс, Карл, Энгельс, Фридрих, *Сочинения*, в 50 т., т. 1. М.: Государственное издательство политической литературы.
- Маркс, Карл (1961). «Критика Готской программы». В кн.: Маркс, Карл, Энгельс, Фридрих, *Сочинения*, в 50 т., т. 19. М.: Государственное издательство политической литературы.
- Badiou, Alain (2012). *The Rebirth of History: Times of Riots and Uprisings*. London: Verso.
- Chiesa, Lorenzo (2016). *The Virtual Point of Freedom. Essays on Politics, Aesthetics, and Religion*. Evanston IL: Northwestern University Press.
- Chiesa, Lorenzo (2017). "The State of Communism: Badiou, Lenin, Stalin." In *Badiou and the State*, ed. Dominik Finkelde, 127–150. Baden Baden: Nomos Verlag.
- Fanon, Frantz (1991). *The Wretched of the Earth*. New York: Grove Press.
- Federici, Silvia (2012). *Revolution at Point Zero. Housework, Reproduction, and Feminist Struggle*. Oakland, CA: PM Press.
- Gramsci, Antonio (1966). *La question nemeridionale*. Rome: Editori Riuniti.
- Gramsci, Antonio (2000). *The Gramsci Reader. Selected Writings 1916–1935*. Trans. David Forgacs. New York: New York University Press.
- Guattari, Félix (2010). "The New Spaces of Freedom." In *New Lines of Alliance, New Spaces of Liberty*, eds. Félix Guattari and Antonio Negri, 116–27 Brooklyn, NY: Autonomedia.
- Hall, Stuart (1986). "Gramsci's Relevance for the Study of Race and Ethnicity." *Journal of Communication Inquiry* 10.5: 5–27.
- Linhart, Robert (1976). *Lénine, les paysans, Taylor. Essai d'analyse matérialiste historique de la naissance du système productif soviétique*. Paris: Seuil.
- Lisa, Athos (1973). *Memorie. In carcere con Gramsci*. Milan: Feltrinelli.
- Negri, Antonio (2014). *Factory of Strategy. 33 Lessons on Lenin*. New York: Columbia University Press.
- Spivak, GayatriChakravorty (1990). "Negotiating the Structures of Violence." In *The Postcolonial Critic: Interviews, Strategies, Dialogues*, 138–51. London: Routledge.
- Spivak, Gayatri Chakravorty (1992). "Interview with GayatriChakravorty Spivak." *ARIEL: A Review of International English Literature* 23:3: 29–47.